

М.М. Богословский

**История России XVIII-го
века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.М. Богословский**
История России XVIII-го века / М.М. Богословский – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 254 с.

ISBN 978-5-518-05988-7

ISBN 978-5-518-05988-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

свѣщеніи и свободѣ, гдѣ покланяются, кромѣ, разумѣется, красот хозяйки только разуму, гдѣ ненавидятъ суевѣріе, гдѣ поучаются у Монтескье, смѣются бодрѣмъ и здоровѣмъ оміхомъ надъ страницами Вольтера и проливаютъ чувствительныя слезы надъ героинями Руссо; гдѣ льются звуки ясной, какъ мысли философовъ этого вѣка музыки Гайдна и Моцарта, гдѣ высказываются бодрѣе и свѣтлыя взгляды на будущее, гдѣ возникаютъ идеи эвобли и равенства у мыслителей, идеалистическія мечты о братствѣ и равенствѣ людей—у поэтовъ, гдѣ у просвѣщенныхъ государственныхъ дѣятелей зарождаются смѣлыя попытки перестроить всю общественную жизнь по философскимъ аксіомамъ. Стѣ вѣкъ этихъ представленій также трудно отдѣлаться, когда мы говоримъ о XVIII вѣкѣ, какъ трудно отогнать отъ себя при разговорѣ с XIX вѣкѣ представленія о рельсахъ и паровозахъ, о броненосцахъ и скоро стрѣльныххъ пушкахъ, о городахъ, окутанныхъ дымомъ изъ фабричныхъ трубъ, о свистѣ нара, о грохотѣ и лягтѣ гигантскихъ колесъ и машинъ, о сѣти проволоки во всѣхъ направленіяхъ, о химическихъ лабораторіяхъ съ ретортами и элементами, о колоссальныхъ домахъ, въ нижніе этажи которыхъ никогда не заглядываютъ ни одинъ лучъ солнца, объ умѣ подавленномъ знаніями всякаго рода, о фактахъ и цифрахъ, о статистикѣ и политической экономіи, о мечтахъ социальнаго переустройства, но мечтахъ опирающихся на точныя формулы отношеній труда къ капиталу, о либеральной буржуазіи, повсюду стоящей у власти, с все болѣе настойчивыхъ и гроз -

ныхъ требованіяхъ рабочаго класса, облённыхъ лицахъ и измученныхъ слишкомъ быстрымъ темпомъ жизни нервахъ, о Глюбоко - пессимистической философіи Шопенгауера и Гартмана.

Мнѣ хотѣлось бы начиная курсъ посвятить вѣсколько минутъ общему обзору ХVIII вѣка въ нашей исторіи, и вотъ, какъ только произнесены эти слова: ХVIII вѣкъ, разверты - вается особая группа представленій. Престоль занятый цѣ - лымъ рядомъ женщинъ-императрицъ, пропарствовавшихъ въ об - шей сложности 67 лѣтъ изъ ста, пять дворцовыхъ революцій, совершенныхъ гвардейскимъ дворянствомъ, распоряжающимся трономъ, и двѣ крупныя реформы, проводимыя абсолютною властью государей, поклонниковъ разума и просвѣщенія; за - падныя идеи и формы и самобытная черта, сквозящія всею своею неприглядностью изъ за этихъ формъ: столицы съ дворцами, построенными Растрелли, и триумфальными арками въ классическомъ стилѣ и съ немшными улицами, губерн - скіе и уѣздные города съ домами крытыми соломой, магист - раты и бургомистры трепещущіе передъ каждымъ проѣзжимъ офицеромъ; дворянскія усадьбы съ колоннами и фронтонами , съ большими сврами борзыхъ и гончихъ собакъ и толпами дворовыхъ, псарей и приживальщиковъ изъ своей же дворян - ской братіи; Митрофанъ Простаковъ и Тарасы Скотинины, сре - ди которыхъ здѣсь и тамъ появляется уже дворянинъ новой формации. Сынъ петровскаго гардемарина, противъ воли ѣздившаго за границу изучать корабельную науку, онъ теперь

еть важное съ неважнымъ и не всегда различаетъ форму отъ содержания, но онъ идетъ къ этимъ идеаламъ съ оптимизмомъ, кажется, изъ всѣхъ столѣтій ему одному только свойственнымъ.

Въ то же время XVIII вѣкъ - вѣкъ перелома во всѣхъ главныхъ процессахъ русской жизни. Одни изъ нихъ заканчиваются, завершаются и уступаютъ мѣсто новымъ задачамъ. Другіе въ своемъ развитіи достигаютъ кульминаціоннаго поворотнаго пункта и идутъ въ новомъ обратномъ направленіи. Возьмите, напр., внѣшнюю политику. Заканчивая въ XVIII в. стремленія XVI и XVII столѣтій - пробиться къ морю, Россія захватываетъ ихъ два. Она сламываетъ навсегда могущество давняго своего сѣвернаго врага - Швеціи и наноситъ опутительные удары вѣчному - Турціи. Она осуществляетъ также другое вѣковое стремленіе, восходящее началомъ еще къ XV вѣку, собираетъ все или почти все православное население, говорящее на русскомъ языкѣ. Но недовольствуясь заверченіемъ этихъ исконныхъ процессовъ, она начинаетъ совершенно новыя шаги. Она дѣлаетъ и уничтожаетъ Польшу и выступаетъ съ проектомъ возстановленія давно уничтоженной Византіи. Русскій дипломатъ присоединяетъ свой голосъ къ европейскому концерту и выѣмивается въ тонкія и сложныя нити дипломатической игры. Ни одинъ европейскій вопросъ не рѣшается болѣе безъ участія Россіи. Уже въ началѣ столѣтія она ведетъ переговоры съ европейскими

державами объ общемъ крестовомъ походѣ противъ европей - скихъ мусульмагъ, въ серединѣ - бьется съ прусскимъ коро - лемъ въ союзѣ съ Австріей и Франціей и заканчиваетъ сто - лѣтіе посылкой русскихъ солдатъ въ Италію и Швейцарію, чтобы въ союзѣ съ Австріей сражаться противъ французскихъ революціонеровъ. Она становится за это столѣтіе великой европейской державой, слово которой даетъ то или другое направленіе европейскимъ дѣламъ.

Новые элементы присоединяются къ старымъ основамъ и въ области экономическихъ явленій. Здѣсь въ глубинѣ жизни тѣ же старые процессы. Населеніе увеличивается съ тою же истинно русскою плодovitостью, скоро закрываетъ бреши, пробитыя въ немъ тягостями петровской реформы и съ 13 мил - которыхъ оно достигало въ 1725 г., доходить къ 1796 г. до 29 мил. (не считая 7 мил. во вновь присоединенныхъ областяхъ), т.е. болѣе чѣмъ удваивается. Основной тонъ экономической жиз - ни продолжаетъ давать сельское хозяйство съ неизмѣнной со - хой и трехпольемъ, съ постепеннымъ передвиженіемъ крестьяни - на къ южному чернозему. Но рядомъ съ сельскою усадьбой въ ХУІІІ в. появляется уже мануфактура съ приписанными къ ней крѣпостными крестьянами въ качествѣ рабочихъ, заведенная ино - земцемъ, а затѣмъ и русскимъ дворяниномъ или купцомъ и снаб - женная всевозможными поощрительными льготами и гарантіями со стороны правительства. Въ ХУІІ в. обрабатывавшая промышленность за двумя тремя гдѣженіями, не простиралась за предѣлы кустар -

наго производства. Въ 1725 году число фабрикъ и заводовъ было около 200, къ 1801 г. число ихъ поднялось до 2423.

Быть можетъ, болѣе всего рѣзкіе повороты мы найдемъ въ пропессахъ, наблюдаемыхъ въ социальномъ строѣ русскаго народа въ теченіе XVIII вѣка. Хорошо извѣстно, какъ XVII вѣкъ закрѣпостилъ общественные классы, обязавъ каждаго изъ нихъ особеннымъ тягломъ, разрознилъ ихъ интересы и поставилъ ихъ другъ къ другу во враждебныя позиціи. Этими чертами мы встрѣчаемся и въ XVIII вѣкѣ, и притомъ злѣе онѣ выступаютъ наиболѣе рѣзко. Закрѣпленіе каждаго изъ сословіи достигаетъ въ XVIII вѣкѣ высшей точки своего напряженія послѣ чего начинаетъ ослабѣвать. Ранѣе всего это случилось съ дворянствомъ. Въ первой четверти XVIII столѣтія его вѣковая повинность продолжаетъ тяготѣть надъ нимъ также поголовно и пожизненно, какъ это было и въ XVII вѣкѣ. Благодаря непрерывной и упорной войнѣ эта тяжесть становится гораздо чувствительнѣе. Благодаря новымъ потребностямъ времени она еще болѣе осложняется. Дворянинъ долженъ служить не только въ арміи на сушѣ, но и во флотѣ на морѣ, и нетрудно себѣ представить, съ какими чувствами вступалъ на корабль недоросль, вскормленный роднымъ тульскимъ или орловскимъ степнымъ привольемъ. Дворянинъ долженъ былъ не только являться на службу, но и приносить съ собою обязательную выучку. Но конецъ царствованія Петра былъ поворотнымъ моментомъ въ развитіи

дворянского тягла. Съ этого момента дворянство захватываетъ одну за другой льготы въ лежавшей на немъ повинности. а въ 1762 году освобождается отъ нея совершенно. Възвѣтъ повинности, которую прежде опредѣлялось его значеніе, оно получаетъ новый принципъ для своего дальнѣйшаго существованія. Правительство старается къ нему привить въчитанное въ трактатѣ Монтескье чувство сословной чести. "Дворянство" "дворянинъ" - эти понятія, съ которыми прежде связывалась ассоціація обязательной службы, съ половины XVIII вѣка толкуется какъ *titre d'honneur*, какъ "нарицаніе въ чести", украшающее людей за добродѣтель ихъ предковъ

Эти новыя понятія диктуются знаменитымъ екатерининскимъ наказомъ и проникаютъ въ дворянскую толпу. Впрочемъ этой тслибъ гораздо болѣе, чѣмъ чувство сословной чести понятна сословная привилегія. Ею она морозитъ всего болѣе. Стряхнувъ съ себя обязательную службу, дворянство становится свободнымъ классомъ, не знающимъ повинностей и пользующимся только правами. Такъ какъ теперь эти права стали исключительной принадлежностью дворянства, то оно получило въ XVIII в характеръ привилегированнаго сословія, совсѣмъ какъ французская знать при старомъ порядкѣ. Такъ какъ съ 1762 г эти привилегіи перестали быть вознагражденіемъ за тяжелую повинность, то они стали казаться несправедливыми и обострили сословную рознь до того, что современникъ, наблюдатель этой розни одинъ изъ депутатовъ

законодательной комиссії 1767 года долженъ былъ съ грустью уподобить русскія сословія, "птицамъ, которыя, найдя кусокъ хлѣба до тѣхъ поръ одна у другой его стнимають, пока раскроша въ самыя мелкія крупинки, смѣшавтъ ихъ съ пескомъ или съ землею и совсѣмъ растеряють".

Тотъ же фактъ раскрѣпленія отъ тягла переживаетъ въ XVIII вѣкѣ и торгово-промышленное населеніе городовъ. Посадскіе люди получаютъ свободу заниматься, чѣмъ хотятъ, переселяться въ другіе города, уѣзжать за границу, покидать не только свое занятіе и званіе, но даже и оставлять совсѣмъ русское подданство. Вмѣстѣ съ тѣмъ городъ перестаетъ быть аггломератомъ отчужденныхъ другъ отъ друга единицъ, пріобрѣтаетъ значеніе всесословнаго пѣлаго, является юридическимъ лицомъ, получаетъ автономію и рядъ задачъ мѣстнаго благоустройства. И третій общественный классъ, крестьянство, проходитъ въ XVIII вѣкѣ черезъ нѣкоторый переломъ, минуеть кульминаціонную точку закрѣпощенія, позже двухъ первыхъ. Этотъ моментъ закрѣпощенія крестьянства совпадаетъ какъ разъ съ освобожденіемъ дворянства. Царствованіе Екатерины, упрочившее дворянскія привилегіи было наиболее тяжелой эпохой въ развитіи крѣпостнаго права. Однако въ то же время это явленіе начинаетъ вызывать противъ себя первые протесты. Дознались первые благородные голоса въ защиту правъ крестьянъ изъ среди самихъ душевладѣльцевъ, коснувшихся европей-

*) Сб. И.О.УІІІ, 50.

скаго просвѣщенія, а среди крестьянскихъ массъ не замол -
каль глухой ропотъ, разразившійся рядомъ бунтовъ. Крестьянскій вопросъ сталъ на очередь и въ самомъ концѣ ХУІІІ в. были приняты первыя правительственныя мѣры къ облегченію крепостскаго права. Такъ въ жизни русскаго общества въ ХУІІІ в. заканчивались старыя процессы, и получали начало, иногда становясь еще только въ видѣ проблесковъ, новыя явленія, которыя составляютъ основу будущихъ стадій русскаго историческаго процесса.

Крупныя перемѣны переживаетъ и администрація. На ея душѣ лежитъ еще печать старины. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ прислушиваться къ жалобамъ, раздавшимся въ Екатерининской Комиссіи 1767 г. на медленность и продажность администраціи и суда. Въ новомъ регистраторѣ, секретарѣ и ассессорѣ слишкомъ еще много стараго подьячаго, въ новой коллегіи слишкомъ еще много стараго приказа. Духъ администраціи живетъ еще прочно, но формы ея уже значительно измѣнились. Изъ прежняго хаоса она приведена въ ХУІІІ в. въ стройный видъ. Для областного управленія сформированы правильныя единицы, снабженныя однообразными разумно развѣтвленными учрежденіями. Въ центрѣ постепенно складываются органы верховнаго управленія, отдѣляясь отъ подчиненныхъ. Перемѣны идутъ еще далѣе: администраціи указываются новыя задачи. Не узко фискальныя пѣли должна она теперь преслѣдовать. Задачи, ставятъ себѣ правительства эпохи просвѣщеннаго абсолютизма

направлены къ достиженію общаго блага, "блаженства каждаго и всёхъ", какъ выражались во время Екатерины.

Наконецъ, много новаго мы встрѣтимъ въ самой идеѣ верховной власти. Въ законодательствѣ Петра выросшая исторически верховная власть находитъ себѣ точную формулу, по которой эта власть опредѣляется, какъ совершенно абсолютная. Но въ то же время она все менѣе выступаетъ непосредственно, все болѣе начинаетъ дѣйствовать черезъ учрежденія и все болѣе проникается не только представленіемъ своихъ прерогативъ — но и сознаниемъ своихъ обязанностей. Петръ Великій высказываетъ ясно взглядъ на себя, какъ на перваго слугу государства, а Екатерина пишетъ въ своемъ наказѣ слѣдующія замѣчательныя строки: "Льстецы, ласкатели по вся дни всёми земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однако же мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы створены для нашего народа"

Итакъ по всёми областямъ русской жизни въ XVIII вѣкѣ изъ за упорно державшихся остатковъ старины съ силой пробиваются новыя формы и идеи. Двѣ эпохи дали особенно большое количество этихъ новыхъ и свѣжихъ ростковъ. То были двѣ крупныя реформы, совершившіяся въ XVIII вѣкѣ. При сравненіи нельзя не замѣтить въ нихъ много различій, много рѣзкихъ противоположностей, и въ предметѣ реформы, и въ ходѣ ихъ, и въ приемахъ которыми проводилась каждая и прежде всего въ личностяхъ реформаторовъ. Петръ былъ оцѣмеченный